

Похождения кочегара Шухова
в Советской армии

Владимир
ЖУКОВ

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

85

Владимир Жуков
Сикстинская мадонна

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Жуков В.

Сикстинская мадонна / В. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Молодой бортовой инженер стратегического бомбардировщика гвардии старший лейтенант, бывший студент ХАИ, попадает на службу в Дальнюю Авиацию. Так же как в своё время бравый солдат Швейк, весело шагает он по судьбе военной, потешаясь над фельдкуратами-замполитами, над их карлой-марлой – окрестили офицеры как их марксистско-ленинское учение. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

от автора	5
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕЙТЕНАНТА-ИНЖЕНЕРА ЕМЕЛИНА, БЫВШЕГО СТУДЕНТА ХАИ, В ДАЛЬНОЙ АВИАЦИИ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. УДАР СУДЬБЫ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВОЕННАЯ ТАЙНА	12
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НАЧАЛО СЛУЖБЫ	15
ГЛАВА ПЯТАЯ. НОВЫЙ СТРАШНЫЙ УДАР СУДЬБЫ	20
ГЛАВА ШЕСТАЯ. НЕЛЕГКАЯ ПОБЕДА	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

от автора

Кочегарами окрестила военная авиационно-техническая молва бортовых инженеров стратегических самолётов. На одном из них – «Ту-95» – я вволю покачегарил. Вместе мы довольно побороздили неба и так подружились крепко, что не расстались даже после того как ракетносец порезали и он перестал реально существовать. Каждую ночь после того самолёт стал прилетать ко мне в снах. В них наша прежняя жизнь нашла своё продолжение. В частых беседах дружеских возникла общая идея писать.

Представляем вам одну из написанных нами книг. Она о нашей прошлой, земной, но исключительно интересной жизни.

*«Ту-95 ВКМ» бортовой номер 85
и Владимир Жуков*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕЙТЕНАНТА- ИНЖЕНЕРА ЕМЕЛИНА, БЫВШЕГО СТУДЕНТА ХАИ, В ДАЛЬНОЙ АВИАЦИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. УДАР СУДЬБЫ

Выпускник ХАИ Емелин Леша свежо, новоиспеченный только, получил вчера диплом с отличием. Тут бы счастьем мужику светиться, солнцем радостным сиять. Ведь все же, как-никак, преодолен достойно важный жизненный рубеж нелегкий. Без отличия ХАИ закончить так и то уже, считай, геройство, а с отличием – того подавно.

Эту истину познал конкретно я на собственной, не тонкой шкуре. Кто не знает, поясню тем кратко. Институт ХАИ пройти непросто. Поступивших половина только завершает до конца учебы по статистике суровой, жесткой. Пятьдесят на пятьдесят потери, что штрафбатовской сродни атаке. Не слабо? Да не слабо, конечно. Тут со мною согласится каждый.

Но чего же Алексей не весел? От чего он весь как туча черный? И на кафедре зачем военной у окошка он печальный курит? Что, не знает, яд, какой суровый никотин, убить который лошадь незначительной граммулей может?

Только все не без причины это. Подвела фортуна парня очень. Довожу до вас: распределен был Алексей, куда душа манила – непосредственно в КБ Сухого. Тут же – на тебе – призыв на службу, дополнительный, бестактным хамом неожиданно в судьбу ворвался и ломать ее давай, коверкать. Конструировать хотел, а тут вот на шкатулку получи с сюрпризом.

«Выкинь, выброси теперь из жизни, – думал Леша несказанно грустно, – в цвете лет своих два года долгих, за хвосты, железных птиц таская, забывая в примитиве жалком дело тонкое, большое дело.

И оно б все ничего, будь Леша не конструктором от бога если, как завкафедрой сказал конструкций, сам профессор Николай Петрович Колокольчиков, какой оставить очень здорово желал студента в институте при себе. Но только не испытывал большую радость подопечный от того и в деле проявить себя хотел реальном, ВУЗ считая несерьезным чем-то, по сравнению с КБ, абстрактным и далеким от свершений мощных.

К Колокольчикову было Леша обратился: «Помоги, профессор». Ну а тот развел руками только: «Оставаться надо, парень, было, – констатировал, – не наш теперь ты, – матюкнулся, – ты теперь ничейный. Кто на кафедре меня военной станет слушать, да когда вдобавок утвержден призывником конкретно?»

Вот ведь как совсем прескверно вышло. Почему и не курящий Леша, за одной одну смоллил волнуясь.

Однокурсникам его, попавшим под призыв все тот же самый, также грустно не было. Влекла их даже служба в армии деньгОй повыше и довольно симпатичной формой. На гражданке инженер обычный получал, считай, в два раза меньше, лейтенант чем, салажонок юный.

А Емелина нисколько это не манило, не влекло. И тужил Леша буйную свою головку выход, муторно ища заветный из такого положенья злого. Ничего не выходило только.

Не подумайте, что так боялся службы воинской студент недавний и тем паче в офицерском чине. Вовсе нет. Он не хотел лишь время драгоценное терять впустую. Торопился проявить скорее свой недюжинный талант, великий, в настоящем и любимом деле.

Чу! Послышались шаги. Узнал их Леша сразу – шел товарищ лучший Вадик Камбузов, шесть лет с которым, почитай, в одной учились группе.

Подошел и по плечу легонько, понимающе похлопал друга:

– Ты чего мой дорогой товарищ, тут на кафедре забыл военной? Может быть, узнать пришел про время, быть в которое тут завтра надо, рекрутироваться чтоб?

– Да, Вадик, вот узнал и загрустил. Курю вот.

Вадик, знавший хорошо о горе Алексеевом, вздохнул, а после головою покачал, и молвил так, сочувствуя:

– Поделаться что-то вряд ли можно, потому, считаю, распускать, мой друг, не надо нюни. Как-никак, а ты хаевец все же. Пистолетом хвост держи, мужчина. Предлагаю позабыть на время о беде и удалиться квасить. Попрощаться не мешает вовсе нам с ХАИ с тобой. Ведь скоро: Харьков, до свидания, любимый город. Ты не против?

– Нет, совсем не против, мудро истину глаголешь, друже.

– Это значит быть сегодня пьянке, – улыбнулся дружелюбно Вадик, а Емелин, ощутив шуршанье в голове своей, одной из мыслей к ней прислушался: «Тебя тянуло неспроста сюда совсем. Подумай! Отвернувшаяся вдруг фортуна может снова подружиться хочет?»

Призадумался студент серьезно и расцвел:

– Теперь я понял, Вадик, почему меня сюда тащило. Догадался, наконец, дубина. В положении моем помочь мне лишь один на белом свете может, и находится он здесь конкретно.

– Это кто ж?

– А наш вояка бравый.

– Вишневецкий, что ль майор?

– Так точно.

О майоре Вишневецком надо тут немного рассказать отдельно, он, считаю я, к себе вниманье, безусловно, заслужил такое.

Нес на кафедре военной службу офицер в ХАИ, и в сорок был он, словно юноша, подтянут, строен. И любому, любовался кто им, одинаково казалось, будто прямо в форме офицер родился и живет в единстве с ней, красивом.

Но не стройность и не слитность с формой, не подтянутость майора были уникальными, таких найдете непременно вы в СА довольно. Удивительный майор Уставы знал на память: все четыре книжки. Наизусть до запятой их помнил. Подними его хоть днем, хоть ночью, и читать начни с любого места, да замри, так без запинки дальше в состоянии любом продолжит, хоть большой, хоть с бодуна большого.

Сам шеф кафедры ХАИ военной Добролетов, генерал, за рюмкой как-то даже говорил о том, что Вишневецкий есть большой феномен, настоящий эталон вояки.

И, конечно, как влюбленный в службу беззаветно, со студентов шкуру драл куратор, без поблажек, скидок. Те под прессингом его суровым изнывали, но, однако, грызли только «образом да настоящим» пресловутые азы военки, завещал как, между прочим, Ленин.

Группы те, в которых вел предметы Вишневецкий, отличались очень от других и надлежащим знаньем, и особым внешним видом также. Как одна в одну прически были у ребят, и их наряд гражданский на военный походил. Попробуй на занятие прийти без стрелок, не побритым, в непотребном виде.

Как-то раз один студент строптивый в позу стал: мол шевелюру портить не позволю. Нет такого права заставляя себе кромсать волосы, заключенному как будто зеку. И на то ему майор ответил: «Если думаете, что постричь вас очень сложно, вы ошиблись значит. Сам Муслим да Магомаев даже был в порядок приведен-пострижен, а уж с вами-то наверно сла-дим».

Время долгое цитата эта, немудреная жила, в хаевне, веселя ее народ серьезный.

И представьте, у того майора Вишневецкого ходил в любимцах, кто б вы думали? Емелин Леша. Почему? А потому что также знал Уставы наизусть, и тоже мог цитировать их буква в букву в состоянии каком угодно. Правда, следует отметить то, что было то не из любви особой к этим книжицам, тупым, стандартным. Вовсе нет. Была такая память у Емелина себе пред-

ставьте. Вешневецкий же, майор, считал, что это родственную душу встретил, потому и расположен очень был к нему. Все в ВУЗе знали это.

Но к героям возвратимся нашим.

– Да, ты прав, – воскликнул Вадик, – точно! Как же мы не догадались сразу? Надо встретиться нам с ним скорее. И еще, чтоб веселее дело добро спорилось, взять выпить нужно ну и закуси, само собою.

– А не выставит?

– Да нет, конечно. Потому что мы уже с тобою не студенты, дорогой товарищ, офицеры – на плечах погоны. С фаворитом да не выпить, бывшим, не посмеет Вишневецкий точно.

– Только как мою воспримет просьбу уникальный человек – не знаю. Напрямую говорить нельзя ведь, что не хочется служить. Тут явно и бесспорно вариант пролетный.

– Как воспримет твой вопрос? А это, извините, как его представить. Коль сказать, что неохота просто Красной армии служить то значит, точно выставит, а коль с подходом, с расстановкою, с понятием, с толком, то гляди и обыграем дело.

– Как же надобно-то?

– Просто очень. Вишневецкому так гнуть мысль нужно. Умираю, мол, служить хочу как. Все уставы на зубочек знаю. Но в КБ Стране родной намного больше пользы принесу, чем жалким технаришкой два года в части. Ну и я вкручу словцо, «от бога прирожденный, – под- скажу, – конструктор».

– Вроде складно. А потом попросит генерала Вишневецкий, ну и можно в деле будет точку ставить.

– Нет, дружище, коль уже готовы документы, генерал соваться к ним не станет, тут майора надо Вишневецкого просить, чтоб сам он дело личное куда заныкал, в ящик сунул, мол, не тот всего лишь. Затерялось, мол, оно – и баста. Быть такого, что не может разве?

– Ну, а дальше что?

– А то, коллега, направление с дипломом в руки, и гони скорей в КБ Сухого, да к работе приступай немедля. И считай, что наше в шляпе дело.

– Почему?

– А потому что, Леша, не отдаст тебя Сухой военным. Он, наверное, совсем не выжил из ума, сорить такими, чтобы инженерами с заглавной буквы.

– Убедил. Ну что ж тогда приступим к операции, дружище Камбуз.

«Приму» вынул изо рта Алеша и окурочек в урну бросил метко, у окошка что стояла рядом, предварительно на пепел плюнув. И вздохнув, полез в карман рубашки белой шелковой и два червонца из него достал.

– Вот сделай милость, – протянул, – и в магазин смотайся. Я останусь, ждать майора буду.

Вадик Камбузов ушел, а Леша посмотрел на пачку «Примы» грустно и, одну лишь сигарету только в ней заметив, улыбнулся: «Прямо как единственный патрон в обойме, – констатировал печально в мыслях, – застрелиться чтоб». И крикнул другу, выходявшему внизу, в окошко:

– Прикупи еще мне «Примы» пачку.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

Вадик справился с заданием быстро и лишь только подошел к Алеше, как послышались шаги майора. Вишневецкого стальная поступь, твердый шаг, какой с другим не спутать. Больно сердце колотиться стало у Емелина в груди и громко. Не успел он попросить у бога в мыслях помощи, как воин вырос уникальный в коридоре длинном. И, своих выпускников увидев, весь в улыбке широко расплылся.

– Поздравляю! Поздравляю! Браво! Очень даже рад за вас! – воскликнул. – Это надо же какое счастье, призывают что служить, ребята! Как же здорово призыв-то этот, дополнительный, пришелся кстати! Эх! И мне бы вот, как вам, погоны лейтенанта да промчалось время!

И слезиночку заметил Леша, чуть заметную в глазах майора.

– Привело-то что? – душевно, просто, по-отечески спросил куратор. И Емелин покраснел, а Вадик не замешкался, нашелся сразу:

– Попрощаться вот пришли, а так же попросить вас вместе с нами выпить, расставание обмыть. Теперь мы – офицеры. Предложение наше вряд ли выглядеть бестактным может: мы из лучших побуждений самых.

– Да какая там еще бестактность? – возмутился Вишневецкий. – Разве вы встречали где-нибудь в уставах, офицерам выпивать нельзя что? В сей момент организуем, братцы, торжество!

И уникальный воин в кабинет к себе повел питомцев, где за картой приютилась мира, неприметная в подсобку дверца.

В невеликое вошли пространство, но, однако, со столом и даже с табуретами тремя большими.

– Вы, товарищи, как дома будьте, – Вишневецкий лейтенантам юным добродушно предложил, – сейчас мы, лишь всего один момент ребята.

И уселись офицеры чинно у квадратного стола, размером с чемодан большой, на стульях жестких.

Вишневецкий расстелил газетку, ну и Вадик начал ставить шустро принесенные с собой продукты: две бутылки – коньячок армянский (три звезды), да сервелат – колбаска, круглый хлеб – один батон, а также минералки, популярной местной две бутылочки. И стол готов был.

Из-за книг, в шкафу смиренно спавших, три стакана Вишневецкий вынул, длинный нож и им порезал тонко хлеб с колбаскою, а Вадик ловко раскупорил коньячок с водичкой и разлил его в стаканы ловко.

Первый тост провозгласил хозяин, из стекла недорогого кубок над собой подняв:

– За вас хочу я, парни, выпить! Послужить желаю хорошо и по уставам только! Честь и слава лишь тогда вам будет!

Вишневецкий произнес «Уставы» так возвышенно, с таким апломбом, что Емелину вдруг плохо стало. Понял он затей глупой тщетность. «Разве эдакий лихой служака, – в замордованном стрельнуло мозге, – в деле гнусном помогать возьмется? Ни за что и никогда, конечно. Нет, он пулю в лоб скорее пустит сам себе, не размышляя долго». Но прогнал дурную думку Леша и концовки начал ждать смиренно.

Тост второй, ответный, был по праву за Емелиным. Его любимец произнес подобострастно, словно государству принимал присягу:

– За уставы тост поднять хочу я. Чтоб служили лишь по ним и только.

Вишневецкий, слыша то, в восторге бесконечном пребывал, бескрайнем. Он коньяк с большим волнением выпил и добавил:

– Да, уставы – это, разумеется, всему основа, то есть главное – святых святая! Ты ни му без них, ни тпру на службе. Но при всем при том еще одно есть в деле воинском, о чем

нисколько не мешает вам напомнить, братцы, это тайну сохранять уменье. Безнадежный кто болтун по жизни, лучше армию пускай обходит только дальней стороной, чтоб худа ни державе, ни себе не делать. У меня в начале службы самом два товарища хороших были – капитана два. И что ж? Сгорели из-за гнусных языков поганых. Начинал служить я, братцы, в Тарту. Ну, так вот, моих два друга, лучших, в ресторане хорошо поддали и решили за столом устроить состязание по тайн болтанью. Завершилась их на этом служба. Особистов не задаром кормят. Это помните всегда, ребята. За зубами языки держите.

– Ну и что же с ними после было? – Вишневецкого спросил Емелин.

– Трибунал. А что потом – понятно.

– Посадили?

– А иначе как же. Поделом. Болтать не станут больше. – И майор к губам приставил палец. – Чу! Ребята. Упаси вас, боже, для шпиона стать находкой легкой!

И стаканы опустели снова.

А потом, еще когда налили по чуть-чуть, решил взять Вадик слово. На майора он взглянул и гордо, так торжественно сказал особо, даже трогательно очень как-то:

– Мы вас очень, Алексей Петрович, уважаем, даже больше, любим. Не измерить благодарность нашу вам за то, что нас азам учили, первым, воинским, при этом спуска не давая, выбивая мусор из головушек пустых гражданских. И за то, что нам предельно ясной стала воинских уставов сущность!

Тут совсем уже лицо майора умилилось, и слеза большая на рубашку по щеке скатилась, ненадолго став кружочком круглым, темным, маленьким пятном на форме. Понял Вадик: подоспело время для атаки лобовой и, сделав гордый вид, подобострастно молвил он, напыжившись:

– Я вот еще что вам сказать хотел. Мы очень с Лешей уважаем вас и службу станем, разумеется, нести достойно. Правда, только вот с призывом этим, дополнительным, накладка вышла. Настоящий катаклизм дурацкий.

Вишневецкий удивился, ну а Вадик дальше продолжал, но, правда, только вот уже, волнуясь малость.

– Понимаете, Емелин Леша, есть не только ваш любимец первый, но конструктор он еще от бога.

– Замечательно, – куратор вставил, – тут вполне предположить возможно, то что именно уставов знанье не последнюю сыграло скрипку в становлении сего таланта.

И Емелин улыбнулся грустно, то услышав, а досужий Вадик продолжал:

– Вполне возможно это. Незадача только в том, что Леша был в КБ распределен к Сухому, где его как раз родное место. Ну, а тут же вдруг призыв внезапно... Заносить аэропланам будет вот хвосты теперь два года долгих, что потеря для страны большая. Помогите. Очень, просим слезно.

– В чем помочь, не понимаю что-то?

Вадик вновь:

– Да вам раз плюнуть это... Дело личное хотя б на месяц подзаныкайте всего лишь только. Доберется до КБ пускай он, а потом уже на новом месте бронь наложит на него начальство. И для родины спасен конструктор, что Сухого переплюнет даже. Тут на вас у нас одна надежда.

Даже если бы майор услышал приглашение к чему-то просто омерзительному бесконечно, так и то б был ошарашен меньше. Но такого отношения к счастью службы воинской не мог понять он. Офицера жуткий взгляд пронзил вдруг лейтенантов молодых, и ужас исказил лицо гримасой страшной, кулаки вдруг затряслись сжимаясь, и сколь мочи только в легких было, Вишневецкий завопил брезгливо:

– На хуй! Вон! Пошли отсюда на хуй!

И как сдуло авантюр умельцев.

По аллейке, института возле, шли товарищи, убиты горем. И Алеша ощутил вдруг резко тяжесть воздуха большую в легких, в сердце боль, и на скамейку рядом, сел бледнеющий, глаза зажмурил.

– Что-то, Вадик, мне ужасно плохо, – прошептал, пролепетал уныло. А дружок на то взорвался прямо:

– Знаешь, Леша, а наверно хватит, друг мой, нюни распускать, как баба! Коль мужчина, так держись давай-ка! И не то еще бывает в жизни!

Резкий друга тон чувств буйство Леша поубавил чуть. И стало стыдно очень здорово ему за слабость. Улыбнулся горько парень, густо покраснел, и виновато молвил:

– Да ты прав. Уж извини, товарищ! – и почувствовал себя получше, то сказав, студент ХАИ недавний. Встал и с Вадиком потопал рядом к общежитию, где жили вместе.

Полежав, переварив, стряслось что, в головах друзья в кабаке «Центральный» вечером пошли вдвоем и просто прямо-таки от души надрались.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВОЕННАЯ ТАЙНА

После пьянки, встав довольно рано, в полвосьмого, по привычке старой, вспомнил Леша, что как раз сегодня завершающий этап призыва: будут нынче разбирать купчины офицеров по частям различным.

Кстати очень оказалось пиво, принесенное вчера с собою, две бутылки. Потянулся Леша за одной из них к окну, а тут и спавший друг открыл глаза. И жажду утолили Вадик с Лешей вместе. Ну а после, потянувшись сладко и икнув:

– А знаешь что, дружище, – встрепенулся авантюры мастер, – нет, совсем у нас не все пропало. Я нашел оригинальный выход!

– Ну, поведай.

– Ты слышал о тайне, что майор нам говорил?

– Да слышал.

– Ну, так вот. И я припомнил тоже, как с МАИ один студентик шустрый закосить сумел как раз по тайне.

– Ну-ка, ну-ка, – весь вниманьем ставши, на кровати приподнялся Леша.

– На комиссию товарищ вышел, и конкретно объяснил предельно: «Я, товарищи, болтун по жизни! Тайн нельзя мне доверять военных. Разболтаю все как есть секреты. Для шпиона я находка то есть! И мне в армии рядах не место. А возьмете грех на душу коли, призовете, на себя пеняйте, если выболтаю что нечаяно. В трибунале расскажу, что честно вам о мании своей поведал на комиссии. И всем припомнят». Дискуссировать не стали даже.

– Неужели это правда было?

– Было. Знает все МАИ про это. Да подумай сам: ну кто захочет брать ответственность, когда сам мелет, призывающийся, вот такое?

– Что ж и мне вот так прикажешь тоже?

– А чего? Делов всего: помнешься, покраснеешь пять минут каких-то и свободен, не чешитесь, Вася! И проблема решена, дружище!

– Так встаем, на призывную скоро. Ну-ка вдруг и повезет взаправду.

Быстро встали и, умывшись споро, собрались и пошагали спешно в институт родной разок последний.

Возле самой проходной машина милицейская, а с нею рядом помощь скорая стоит. Студенты обступили их кружком. Глазеют.

Вздروгнул Леша:

– Вадик, глянь на пике институтского забора парень! – чуть не крикнул он. Тот смотрит – правда.

– Ничего себе картина! Ужас, – прошептал, перепугавшись, Вадик.

– Дикий! – Леша поддержал, и стали за картиной наблюдать печальной.

Не бывало никогда такого, на заборе чтоб в ХАИ вот так же бестолково жизнь закончил кто-то.

А забор был в институте добрым из стальных толстенных прутьев длинных, заостренных наверху. И надо ж, на добротную такую пику, как акула на гарпун, попался незадачливый студент – бедняга. Видно, он перелезал и просто поскользнулся, а копые не промах четко в нижнюю вонзилась челюсть. Струйки алые катились крови по одежде, орошая землю.

Наконец-то бедолагу сняли. На носилки и скорей в спецтранспорт тело мертвое от глаз досужих. И уехали машины шустро, не особенно которым рады большей частью, без каких, однако, человечество пока не может.

Гомон начался в толпе студентов.

– Пугачев из триста третьей это.

– «Б» поток.

– Видать, бедняга пропуск позабыл и вот полез растяпа.

– Да, без пропуска у нас не пустят, как-никак, а институт режимный.

– Уж куда еще режимней, только для шпиона тот забор и пропуск не препятствие, а человек вот бестолково попрощался с жизнью.

– Пусть режим, но разве пропуск трудно взять с собою? Разгильдяйство это.

– Он всегда ходил, как сонный будто, вот жестокая за то расплата.

– Это ж только умудриться надо, подбородком чтоб на пику точно.

Леша, слушая ребят, подумал: «А примета ни к чертям собачьим. Нехорошая примета – чую», только Вадику о том ни слова не сказал и, постояв немного, в институт друзья пошли, проверив пропуска сперва в карманах, правда.

Перед кафедрой уже военной Вадик:

– Вот она, – заметил другу, – настоящая беда, с твоею никаким не сопоставить боком.

И Алеша промолчал согласно.

Наконец-то кабинет 108, где комиссия уже хлопочет. У дверей его ребят с полсотни. Тут и те, кому служить, и те, кто поболеть пришел за друга также.

Вот один призывничок с улыбкой вышел, радостный такой, как будто человеку отвалили денег ни с того и ни с сего немало.

– Ну, куда?

– Да хорошо, в Батуми. Мандаринов обожрешь от пуза. В море Черном накупаюсь вволю.

На счастливица вопросы тут же стали сыпаться, а из дверей же шустро выглянул майор знакомый, что на кафедре военной ведал подготовкой строевой и крикнул:

– Заходите! – и Алешу пальцем поманил. – А ну давай, Емелин.

И пошел тот в кабинет 108 за майором, побледнев. Войдя же отчеканил, как учили, четко и понятно:

– Лейтенант Емелин!

И умолк. И огляделся: «Боже!». Офицеров два десятка целых. Все полковники по большей части, восседают и глядят сурово.

Добролетов, генерал-майор, сам этот в центре, председатель все же. Вишневецкого же нет, конечно, стресс свалил последней встречи видно, непредвиденно такой ужасной для военного с большущей буквы.

«Хорошо что не придется видеть человека, – Алексей подумал, констатируя сей факт, – а то бы как в глаза сейчас смотреть во время безобразной авантюры новой?»

Покупателя суровый голос размышления прервал Алеши:

– Как, товарищ лейтенант, хотите на Иртыш?

И лишь собрался Леша отвечать, как покупатель снова:

– Просто техником сперва и сразу после срока двухгодичной службы инженерную представим должность. И с жильем у нас пока в ажуре. При условиях таких лишь глупый только в кадрах не остаться может.

Тут замешкался немного, правда, призывник, вояки натиск мощный с толку сбил, а покупатель, будто пес взбесившийся, с цепи сорвался:

– Что молчите, – заревел, – Емелин! Не хотите вы служить, быть может, в нашей армии Советской вовсе? Так конкретно говорите, прямо, а не яйца между ляжек трите!

Очень густо покраснев, Алеша, весь стгорая от стыда:

– Я, – начал, – очень здорово служить желаю, где угодно, хоть во льдах бескрайних, хоть у вас на Иртыше, в Сибири. Да беда: я есть болтун по жизни, слабоватый на язык серьезно. За зубами не умею толком я держать его. И как с грехом тем буду в армии служить, коль тайны ни одной не сохраню военной, для шпиона я находка если. Потому сейчас прошу покорно нашей родине не делать худа и меня не призывать на службу.

Рты раскрыли все как есть и тихо очень-очень в кабинете стало. Добролетов, генерал, так вовсе весь как рак побагровел, надулся и хотел уже взорваться было разухабистой военной бранью, но полковник тот, который справа:

– Марш! – скомандовал. – Кругом! – свирепо. – Вон!

Емелин, повернувшись, вышел. А полковник:

– Я беру болвана, – зло сказал, – косить не дам под дуру! Покажу, блядь, где зимуют раки!

И полковник тот, который слева восседал от генерала, крикнул, ситуацию замаять желая:

– Кто там следующий? – И какой-то призывник вошел за Лешей тихо.

Вадик к другу:

– Ну, чего? – а тот же даже вымолвить не смог словечка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НАЧАЛО СЛУЖБЫ

А послал служить полковник толстый Алексея на Кавказ в Чу горд. Есть такой там городишко тихий, небольшой, великолепный, славный. В авиации, в серьезной, в Дальней предстояло отслужить два года.

Обстоятельства сломали парня. Похудел, стал молчаливым, грустным, безразличным ко всему на свете. В состоянии таком ужасном службу начал лейтенант Емелин.

Алексеевой матчастью первой стал большой ракетносец дальний «ВКМ-ТУ95-й» стратегический. И через месяц сдал зачеты лейтенант на допуск да к работе приступил конкретной. Старшим техником он был назначен по СУ, по установкам то есть силовым аж четверем громадным.

Экипаж ему попался дружный. Исключительно такой веселый, что казалось не стоянка это, а всемирной Юморины место. И на том великолепном фоне вечно грустный лейтенант Емелин, ну конечно, был вороной белой. Но, однако же успешно в небо самолет свой отправлял при этом, в замусоленном журнале толстом, респектабельный дефис малюя. И когда ракетносец дальний на стоянку приползал усталый после дальностей, душа Алеши улыбалась, но внутри, а внешне тучи черной был черней мужчина.

Ни словечка, ни фразы лишней меж товарищами, лишь по делу. И решили те, что техник новый просто-напросто такой по жизни, не считалось что бедой большою.

Кочегар и баламут бывалый капитан Круглов, кого стоянка справа рядышком была, частенько юмористов навещал, соседей. Анекдотиком блеснуть сверхновым, интересное чего послушать он любил, при сем талант имея абсолютно рассмешить любого. А вот с Лешею иначе было. В Мавзолее бы поднялся Ленин, воск под кожей бы его смеялся, захоти Круглов, но с этим странным лейтенантиком не выходило.

И тогда поспешно вывод сделал кочегар: переучился парень, помешался от учебы сложной. Он слышал какой ХАИ тяжелый от его выпускников служивших. Сей гипотезы как раз имелось подтверждение – недавний случай. Из ХАИ выпускника такого ж, на ходу что спал диплома после, задавили самолетом глупо. Не машиною какой шальною, шалопутною, что осы словно, сумасшедшие, гоняют в части: там АПА, ТРЖК, воздушки и иные, что нужны для дела. Нет, родимым самолетом таки, на регламент в ТЭЧ какой тянули, и почил в бозе хаевец. Жалко.

Капитан Стальной, что был отрядным в эскадрильи и какой частенько нишу Леша навещал, печаль тот лейтенанта объяснял иначе. «Тут сердечные дела, конечно», – констатировал коллегам как-то. Расскажи, возьми поведай Леша правду-матку – вот бы смеху было.

Жил в гостинице военной в ДОСе наш герой с силовиком таким же, двухгодичником Андрюшей Гильзой, из КИГА студентом бывшим тоже.

Подружились, и довольно скоро про товарища узнал Алеша, что тот спец большой в делах амурных. Только Лешу сколь не звал с собою на ночные рандеву товарищ, тот отнекивался. Так уж очень человек переживал серьезно.

Ну и в пятницу однажды как-то, вечерком, придя домой со службы, Леша плюхнулся в кровать, да книжку в руки взял, и стал читать, но только киевлянин не стерпел, захлопнул перед носом у коллеги томик, и сказал:

– Сегодня танцы в клубе, классных уймища девчонок будет! Прячь давай свою хандру подальше, неумную, да стань хаевцем.

И махнул рукой на горе Леша. И на танцы поспешил с Андрюшей.

Было в клубе полковым чудесно. Танцы. Музыка. Ансамбль вживую, очень даже неплохой. И море разливанное девиц хороших.

Азнавура прозвучала песня, а за нею про девчат, какие со статистикой не очень ладят и платочки теребят в сторонке.

Леша быстро симпатюгу выбрал. Пригласил и с нею в танце слился. Оказалась неплохой партнершей дева юная, и танец с нею удовольствие доставил парню.

Танец первый с ней, второй и третий. Замечательно. В четвертом танце стал Алеша ворковать на ушко удивительной своей партнерше, что обычно практикуют парни. Улыбалась та, как будто млела, что конечно кавалеру льстило.

И когда передохнуть решили, возле стенки у плаката ставши, то воскликнула наивно дева:

– Вы танцуете чудесно просто! Мне давно уже вот так роскошно танцевать не приходилось, право!

А Емелин про себя подумал: «На крючке уже, пожалуй, рыбка, лишь подсечь уже осталось только! А на вид, отметить надо, ципа хороша, великолепна просто!»

И чудесная партнерша явно, подтверждая мысль Алеши эту:

– Боже мой, – пролепетала, – что же до сих пор мы не знакомы с вами! До сих пор! – и элегантно ручку протянув, сказала:

– Лена, – тихо.

– Леша, – руку пожимая деве, отвечал партнер легко краснея, имитируя умело робость. И к губам поднес красиво, томно, элегантно в маникюре ногти.

Ярко вспыхнуло лицо девицы, но не зло. Ей превосходно было.

Исключительно с одной Леной танцевал в тот славный вечер Леша. Предисловие романа явно гладко шло из-под пера, и вроде намечался тот довольно чудным. Только надо ж, в перерыве Лена вдруг призналась:

– С вами танец просто завораживает, аж пьянит он, отвлекает от всего земного, потому я ничего не слышу, говорите что, когда танцуем. Извините, так любезны будьте.

«Получается, что зря старался», – недовольно ловелас подумал, прямо-таки оскорбившись даже, а Елена ко всему вдобавок, ошарашила водой холодной из ушата на морозе словно:

– На каком вы самолете, Леша соизволите служить? – спросила, улыбнувшись и хихикнув даже.

Офицер насторожился юный: «Ничего себе вопрос сюрпризный! Бортовой интересуется номер стратегической машины фифу! Тайны хочется военной очень!.. Вишневецкий знать не зря, как раз вот на прощание, о ней напомнил. Поострее на макушке ушки будет надобно держать с особой... Что-то здесь совсем не чисто, чую... На шпионку не похожа вроде, – колотило в голове, – а может проверяет то отдел особый. О признании моем дурачком на комиссии, конечно, знают особисты, нет сомнений в этом, и теперь вот достают, каналы. Красной ниткою подстава шита. Вон сексоточку нашли какую... Особисты! Особисты точно!»

А сексоточка веселой птичкой зачирикала:

– Вы так молчите претайнственно, что думать можно предо мной «глухонемой». Не так ли?

Тут Емелин побледнел, а Лена засмеялась:

– Ну какой, однако, вы тайнственный «глухонемойчик», то-то сразу вдруг, смотрю, притихли.

За довольно небольшое время службы в армии успел однако лейтенант узнать о том, что так вот называют, с юморком, военных обособленных частей, какие занимаются БЧ с сюрпризом термоядерным и где режимность, разумеется, была повыше, где доплачивали сверх оклада за секретность двадцать пять процентов.

Пот, что выступил на лбу, платочком стер Алеша, и лишь смолкла только симпатичная партнерша сразу, назидательно сказал, с укором:

– Извините, не могу ответить на поставленный вопрос. Не вправе я секреты разглашать такие. Место службы, самолета номер – это, впрочем, не для встречных первых информация, и интерес к ней, нездоровый ваш, меня пугает. Знать должны вы, чем все пахнет это.

– Это точно, – засмеялась Лена, – как не знать мне про такие страсти, коли я почти служу в отделе, за секретами который смотрит.

«Ты, гляди-ка, раскололась утка подсадная и сама вдобавок. Дура конченная, может, просто? – с облегчением вздохнул Емелин. – И чекисты хороши. Как можно желторотым, бестолковым куклам поручать вести дела такие? КГБэшники совсем свихнулись». И спросил, вздохнув, девчонку Леша:

– Ну, а как же вы в отделе этом, нужно думать, так сказать, особом, на общественных началах что ли благородную несете службу?

– Что вы, – снова засмеялась Лена, – кто ж возьмет меня в отдел особый, школу, кончившую только-только, беспартийную еще к тому же? Служит там мой драгоценный папа – подполковник Балалайкин. Вы-то про него должны, наверно, слышать?

– Слышал, – очень удивился Леша, – особист «глухонемых»?

– Так точно, но сейчас ему и полк отдали, потому что особист Сашуля полковой до синевы допился, долакался до горячки белой. На лечение в ОВГ отправлен... Ох, и сколько же секретов сразу это выдала я так беспечно?

Замороженный вконец смешался лейтенант, что говорить не зная, только Лена встрепнулась:

– Леша, – зазвенела голосочком тонким, – как же я не догадалась сразу. Двухгодичник вы. Вы штатский. Вот что. Не военный человек, конечно. В институте уж нагнали страха вам на кафедре военной, видно, и мерещатся теперь шпионы, особисты. Где не глянь – повсюду. Хорошо мне все понятно это. – Дева глазки подняла. – А папа признавался как-то мне, что так и не видал ни одного шпиона за не маленькую вовсе службу в КГБ, ни одного живого. Ну да ладно, допекать не стану вас расспросами такими больше. Пусть останутся секреты с вами. Об одном хочу просить, однако, пригласить хочу на чай. Согласны?

– С удовольствием, – ответил Леша, – только очень неудобно как-то. Время позднее уже довольно. Что родители на это скажут?

– Ничего. Их просто дома нету. Папа в корпусе, а мама с братом с младшим братиком моим, в Анапе отдыхают у родни на море. Не придется потому стесняться.

Танцы кончились, под руку Лена кавалера подхватила сразу, чуть замявшегося было, ну и за собою увлекла из клуба.

Не спеша дошли довольно скоро до кирпичного большого дома, исключительно, где шишки жили. Дом 13 прочитал Емелин на фасаде номерок под лампой. На второй когда этаж поднялись, Леша снова ту ж увидел цифру на табличке, на двери добротной.

– Испугались, – улыбнулась Лена, – дом тринадцатый, квартира тоже.

Леша вспомнил вдруг забор и парня, принял смерть, какой на пике острой. Вроде шли одна к другой приметы. Но, не думая над сим особо, проворчал:

– В приметы верю мало, потому и не боюсь особо.

В зал хозяйка проводила гостя, усадила на диван, включила телевизор, не простой, обычный, черно-белый, а цветной «Березка» – дефицит, но особист, поди-ка, он на то и особист, наверно, с дефицитом чтоб дружить поближе. А потом ушла на кухню Лена.

Замороженный и с толку сбитый столь стремительным событий ходом, наш герой дух перевел, лишь только, как на фото на стене увидел вдруг знакомое лицо до боли. «Покупатель! Покупатель! Дьявол!» – чуть не выкрикнул в сердцах в испуге

Не успел обмозговать сюрприз сей лейтенант, как возвратилась Лена, пред собой неся поднос стеклянный, на котором чуть побольше чайник металлический стоял и рядом – керамический, немного меньший, так же ваза с сахарком, две чашки.

От внимания не скрылся Лены взгляд, испуганный, на фото гостя. Потому, поднос на стол поставив, пояснила:

– Это вот мой дядя. Балалайкин Николай Петрович, младший брат отца. Уже полковник. Он начальником отдела кадров служит в корпусе, и скоро будет, генералом. Знаю точно это.

«Вот так вляпался! – не вскрикнул было ошалевший лейтенант. – Вот это я нарвался. Перспективы нету для романа никакой, выходит. Хмырь тот если про меня расскажет, то, конечно же, Елена сразу отношение ко мне изменит. Чертовщина! Полтергейст какой-то! – заталдонило в мозгах. – И надо ж, цифры две еще «13» эти. Когти рвать скорей отсюда нужно!»

Но, однако, поглядев на Лену, поменял свое решение парень. Показалась вдруг такой красивой эта девушка ему и милой, что не смог ее покинуть так вот.

А красавица присела рядом и сказала:

– Коль хотите, Леша, угощу я вас вином домашним или чем еще иным. Есть много в баре выпивки у папы разной.

– Ну а вы?

– А я не пью. На дух я алкоголь не выношу противный.

– Это вовсе небольшое горе, – молвил Леша ей в ответ, – сегодня не мешало бы несколько выпить за такой великолепный вечер и за чудное знакомство наше, только, чувствую, опасно это.

– Почему?

– А потому что, если алкоголь красу умножит вашу не значительно хотя б, то сразу я с ума сойду. И вы, Елена, только будете тому виною.

Покрасневши, промолчала Лена. И забыв совсем про чай, взял Леша девы руку и к губам горячим снова трепетно поднес несмело, а затем поцеловал. Но, правда, дело дальше не пошло, вспорхнула Лена птичкой с дивана, легкой, и к серванту, и альбом оттуда с фото вынула здоровый, толстый. А затем пролепетала:

– Леша, мы давайте-ка посмотрим лучше фотографии, а то, гляжу я, стали слишком торопиться скушать плод запретный, рановато это. – И премило погрозила пальцем дева юная, да, севши рядом, на коленочках альбом раскрыла.

Скоро Леша знал довольно сносно всю родню своей подруги новой. От рождения почти прошелся по ее весьма обычной жизни. А захлопнулся альбом с минуту или две вдвоем сидели молча. Тишину нарушил Леша первым:

– Очень жаль, что не могу я, Лена, показать вам свой альбом семейный, примечательно, такой же толстый и по цвету темно-синий так же. О себе же что хочу поведать. После школы – институт, да служба. Вот и все. Сказать желаю только. С сада детского пылал любовью к авиации и ей любви той изменю всего скорее вряд ли. И, конечно же, совсем не думал в вашем Чу служить, в КБ Сухого так как был распределен, однако злой судьбе благодаря, а так же козней родственников, милых, ваших, технарем пашу в полку гвардейском, в эскадрилье, довожу вам, третьей.

Удивилась несказанно Лена:

– А родня-то тут причем? – спросила.

– Постарался ваш любимый дядя, – Алексей кивнул на фото.

– Дядя? Интересно, интересно. Как же? Вся горю от любопытства прямо.

Чай остывший отхлебнул Емелин и поведал не спеша подруге всю историю свою смешную. О КБ и о призыве гнусном, поломавшем напрочь жизнь, а так же о майоре Вешневцеком ну и о комиссии, в которой дядя членом был и как поставил точку очень просто в аванюре глупой.

Лена, слушая рассказ Алеши, заливалась то и дело смехом. Чай остыл. И не до чая было. А когда же наконец закончил грустной нотой кавалер, то очень захотелось ей утешить парня

и еще поцеловать, но громко лишь захлопала в ладоши только, от соблазна удержавшись еле. А страдалец же оваций после в завершение сказал:

– Елена! Я совсем не огорчен нисколько, правда, выходкой такой со мною занимательной судьбы. Я даже очень рад, что так чудесно вышло и признателен безумно дяде.

– Почему же?

– Потому что вас я в этом южном городочке встретил.

Не за чаем время шло. А просто ворковали, ворковали двое. Не хотелось расходиться очень. Наконец-то расцвело, и утро растворило в свете мглу, а свежесть через форточку влилась в квартиру. Лена встала. Подошла к окошку и широкие раскрыла створки. Ароматная прохлада тут же опьянила чуть приятно, сладко. Леша сзади подошел. За плечи, чуть дрожащие, взял деву нежно и тихонько прошептал:

– Елена! Я люблю вас! И хочу, чтоб стали вы любимой моей женою!

– Я согласна! – еле слышный шепот, тишину дразня, вспорхнул, закончив путь свой в сладком поцелуе долгом.

Чуть развеялся туман чувств бурных, звон часов привлек к себе вниманье. Ехать в часть необходимо было лейтенанту, но тянул, желая отодвинуть расставанья горечь. Но томленья прервала Елена:

– Ни к чему тебе совсем взысканья.

Поцелуй непостижимо сладкий, быстротечный, мимолетный, легкий и наказ:

– Ты после службы сразу исключительно ко мне.

– Конечно. Как же быть еще иначе может?

– Это армия, а в ней, Алеша, удивляться ничему не стоит. Службу трудно наперед предвидеть, коль случится что, звони скорее. От дежурного по части можно.

– Хорошо. Но это вряд ли только мне понадобится, я как ветер прилечу к тебе на крыльях счастья!

Улыбнулась и вздохнула Лена:

– Не военный человек ты вовсе, исключительно сугубо штатский, службы в армии пока не понял.

И еще раз поцелуй горячий на губах затрепетал влюбленных.

ГЛАВА ПЯТАЯ. НОВЫЙ СТРАШНЫЙ УДАР СУДЬБЫ

В утро то летел на службу Леша, оседлавший птицу счастья будто. Аж светился, аж сиял и даже не заметил как и в часть добрался.

Не мешало б подкрепиться вовсе, но на завтрак не пошел: сыт счастьем был поистине студент недавний. Прозой жалкой ли еды желудок набивать, когда душа ликует. В общем, завтрак не стал влюбленный и на плац пошел с машины сразу, к эскадрильи построенья месту.

Люди кушали, и пусто было на плацу. Один Емелин глупо, будто пьяный по нему шатался, в сладких радужных купаясь грезах. Чудной ночки в воспаленных мыслях многократно проносились сцены. В невесомости парил волшебной над асфальтом потому влюбленный...

Только голос вдруг знакомый, грубый, грез блаженство оборвал бестактно:

– Что вы это, Алексей Петрович, строевою по утру решили заниматься, не ходя на завтрак? Неужели так довел серьезно институт ваш, букв из трех который с неприличным очень схожий словом?

Поглядел на шутника Алеша и соседа в нем узнал, Круглова. Улыбнулся:

– Про ХАИ вы это?

– Да

– Ну что же, тут согласен с вами. Уйма чертова с ума свихнулась безвозвратно в институте нашем. Но, однако же, спросить желаю, что такого вы узрели нынче в поведении моем чудного? Разве глупо, человек коль в радость, размышляя про себя, гуляет, не желаячи мешать с едою, философию высоких мыслей?

Рот раскрыл Круглов и, мину скорчив, с удивлением большим подумал: «хлюпик этот, желторотый, скоро, как щенка меня заткнет за пояс!» Только в слух не произнес ни слова коцегар, а тут на плац, покушав, авиаторы пошли гурьбою.

Построение, затем доклады командиров, и начальник штаба два приказа огласил: один был о купании местах, где можно авиаторам дружить с водою, где нельзя ее касаться даже, и второй – о присвоенья званья командиру корабля Дубцову.

А потом в подразделениях также доводить, кому в наряды, стали. Неожиданно услышал Леша вдруг фамилию свою.

– Я! – крикнул машинально.

– Вы в наряд идете, – разъяснил ему начальник штаба эскадрильи капитан Капустин, – заступаете помдежпокаром – помдежурного по караулам, – пошутил, а лейтенанту словно в темя молния попала точно.

Гром не так перепугал бы с неба. Двухгодичнику вдруг плохо стало. Эйфорию как рукой смахнуло, растворилась миражом в пустыне.

Первым долгом побежал Алеша отзвониться поскорей невесте. В штаб к дежурному вбежал и в трубку Балалайкина спросил квартиру.

– Да?

– Назначен я в наряд, Елена!

– Ничего. Я ж говорила, Леша, это армия, возможно все в ней... Но ко мне наряда после сразу. Вместе с папой дожидаться будем.

– До свидания, целую, Лена, – грустно трубку лейтенант повесил.

Было так заведено, что если назначался офицер в наряд, то до обеда только службу правил, ну и в полдень уходил на отдых, подготовиться к наряду чтобы. А в 16 предстояло прийти при оружии, уже по форме на развод и приступить к дежурству.

До 16-ти мгновенно время пролетело. Лейтенант Емелин в часть явился в хромочах блестящих, с портупеею, с ремнем широким, с кобурую совершенно новой, вот полученной на складе только.

В оружейной получил Алеша пистолет, и в кобуру засунул, тужась в новую его, тугую. И петельку застегнул как надо: не игрушечка ПМ, наверно, потерять охоты нет особой.

И развод затем, прошедший четко, без задоринки, сучка, отменно, по уставу, на зубок который, кстати, знал какой как раз Емелин. И наряда потянулось время монотонно так, предельно тяжело.

Тот наряд, в какой попал Емелин, был на редкость уникально глупым. В пресловутом комендантском взводе было воинов всего четыре, но на службе их никто не видел. Все припаханы начальством были. Потому-то, по солдат нехватке офицеры их тянули бремя. Так помдеж по караулам, то бишь, офицер, обязан был «рулетку», бестолковую вращать усердно, что по статусу солдату только подходило и никак не больше.

Поясню. Комендатура части находилась в городке военном, непосредственно на въезде самом. Этот въезд перекрывал шлагбаум, управлялся что бойцом, который из окна за ним смотрел и видел: пропускать кого, кого – не надо. Пропустить – боец лебедку крутит на подъем, то проезжайте значит. А проехал, закрывает следом, то есть эту же лебедку крутит, только в сторону уже другую. Вот она вам и «рулетка» эта, многоруганная матом сочным.

Не ушел и лейтенант Емелин от «рулетки». И в сердцах ругаясь, рукояткою трещал во гневе, то и дело поднимая дышло и смотря перед собой в окошко.

Вон проехал замполит мордатый. Вон начпрод. А вон совсем какой-то незнакомый офицер, но в форме. В форме можно запускать военных. А без формы убедиться надо: кто, зачем и почему в ДОС хочет. Не шпион ли ненароком вздумал осчастливить, не алкаш гражданский или просто гражданин ненужный – в том «рулетчик» разобраться должен обязательно, иначе может схлопотать от коменданта дыню, а куда – без лишних слов понятно.

Час, другой сидит помдеж, и крутит ненавистную лебедку тупо. Никогда не занимался делом глупым более студент доселе. Положение бесило это. Полосатый, чуть кривой шлагбаум от досады стал казаться членом, нет, его карикатурой мерзкой, исключительно противной, гнусной.

Идиотское совсем занятие аппетиту не дало проснуться. За дежурство не поел ни разу разволнованный жених – бедняга. Ужин, завтрак и обед Емелин пропустил, одной любовью сыт был, той, что в мыслях смаковал усердно. Не до пищи тут, к тому ж, не горе не поесть один денек несчастный.

Зубы сжав, в комок собрав силенки все душевные свои, Алеша, победил лихое время все же и, закончился наряд как только, к пистолетчику помчался пулей, сдать оружие скорее чтобы. Офицерам всем советским нашим, правда только особистов кроме, не положено носить с собою огнестрельное защитное средство, как не очень то надежным людям. Почему? Совсем другая тема, к ней вернемся непременно с вами, а пока же проследим за Лешей.

Наконец-то! Наконец-то, боже! Дверь заветная в оружья царство! Сердце парня застучало громче. Растворится вот она, и встретит оружейник эскадрильи третьей Зачепило, капитан, помеха, что от малости работы летной за оружием следить поставлен.

Только дверь затворена – ни с места. Снова скверно заругался Леша, как заправский авиатор старый:

– Где ж ты, сука, РПДэшник чертов!? – он трагически в сердцах воскликнул. – Где ж ты, мать твою, болван несчастный!? – проорал и хромачом помятым в оцинкованную дверь ударил.

«Ну и армия страны Советов! РККА, – заверещало больно и трагически в мозгах уставших. – Разве можно где-то шляться, если ты на месте быть своим обязан! Разве есть не преступление это!? А война когда? Что делать будем, наплюет на службу каждый коли? Нет. Негодные совсем порядки в нашей армии, прекрасно вижу! И, конечно же, предвидел Гитлер, нападая, разгильдяйство это. Знал, куда соберутся, будет пить с японцами сакэ, рис кушать. Слава господу, мороз, дороги...»

Рвал-метал жених и разорвал бы пистолетчика, явись тот только. Но отметить что хочу: напрасно волновался лейтенант Емелин. Оружейник был мужчина строгий и ответственный в делах служебных, в деле выдачи собаку съевший, кобелину не одну большую. Потому-то знал товарищ четко время точное, когда повалят избавляться от стволов вояки. До заветного того момента полчаса еще, представьте, было. Что-то личное мужчина правил. Ну и что? И на здоровье воин. Человеку знать откуда было, что влюбился лейтенант Емелин и примчится вот сдавать оружие раньше всех на четверть часа целых, жизни воинской стандарт ломая.

Чу! Бурчанье в животе услышал лейтенант и ощутил желанье естество свое немедля справиться. Как ни как, а в туалете парень не был сутки, что совсем не мало. И чтоб времени потом не тратить на сортирные дела, решил он в туалет сходить, который рядом находился, возле штаба прямо.

Вот, побеленый совсем недавно, «Мэ и Жо» простой объект, стандартный, тот, каких не сосчитать в Союзе. Лейтенант в него вошел, ширинку расстегнул, затем ремень широкий. И о, господи! О, правый боже! Соскользнула кобура с ПМ-ом да в отверстие в полу нырнула.

Видя очень, что дела плохие, лейтенант приник к дыре вонючей, став при сем на четвереньки на пол, разумеется, совсем не чистый, да во внутрь затем с тревогой глянул. И заметил в полумраке тусклом, как уходит кобура в пучину, унося с собой ПМ бесславно.

Смысл трагический предельно ясно стал понятен: утопил в говнище недотепа – офицер оружие! Сверххалатный распиздяй, какого нет нигде на белом свете больше! Нет военному страшней позора!

Покраснев от головы до пяток, не расплакался чуть было Леша. Ну, а тут еще и в мыслях злое зашипело: «Разве выйдет Лена за подобного тебе засранца!? Разумеется, что нет, конечно! Не захочет жизнь связать с мудилой, в туалете полковом который бестолково утопил оружие!»

Захотелось застрелиться парню. Только чем, скажите? Нечем было. Опозоренный, в дерьме вонючем пистолет лежал, глаза зажмурил, не глядеть на стыд-позор свой чтобы.

В воспаленной голове тасуя, по спасенью варианты Леша думать стал, как дальше быть, что делать. Поразмыслив нервно чуть, нашел он не решение хотя, однако не лишенное, пожалуй, смысла направление дальнейших действий: «Экипаж родной – спасенье только! В положении таком дурачком на него лишь одного надежда. До товарищей-друзей скорее!»

И пустился сколько духу было на стоянку, где как раз работал экипаж: меняли блистер задний у стрелка, в какой попала птица.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. НЕЛЕГКАЯ ПОБЕДА

Несся Леша как стрела к стоянке, не бежал, летел над полем пульей. И успел застать в составе полном экипаж, что, завершив работу, самолет уже сдавал охране.

И лишь только на бетон стоянки Леша выбежал, так дико сразу заорал, что в легких мочи было:

– Караул! Пришла беда, ребята! Пистолет я утопил в сортире!

Авиаторы, которых трудно чем-то было удивить по жизни и выдавшие всего довольно, тут опешили всерьез. Во-первых. Двухгодичник, что молчал как рыба, длинно вдруг заговорил и громко. Во-вторых. В СА о том, что кто-то в туалете утопил оружие, анекдотов не ходило даже. И когда пришли в себя немного, то второй силовичок бывалый, лейтенант старшой Фомин, воскликнул:

– Неужели так обрыдла пушка, что топить решил сперва, в говнище, да одумался потом, Емелин?

– Так нечаянно же ведь, ребята! – разобижено воскликнул Леша. – Разве стал бы я бросать ПМ свой в туалет со зла? Да нет, конечно! Пистолетчик все, мутила это, Зачепило, мать его, заразу, суку за ногу, помеха хренов.

– Ах, так это Зачепило значит получается всему виною? – продолжал силовичок досужий бедолагу доставать шутливо. – Значит, он швырнул в говно ПМ твой, поддержать всего который дали, не мешал чтоб. Только трудно верить, чтоб ответственный за все оружие в эскадрильи самой лучшей нашей безобразия мог сделать это. И потом, виною сам он коли, так чего переживаешь глупый – лезет пусть и достает скотина.

Леша чуть не задохнулся было от нахлынувшего моря гнева, только в руки взял себя и тихо, вразумительно сказал, спокойно, с болью в голосе, с печалью тяжкой:

– Что смеетесь надо мной? Не время. Приключилась беда большая! Помощь ваша мне нужна ребята, а не шутки-прибаутки злые!

Шухов старший лейтенант, борттехник. Старший техник капитан Охалков, силовик Фомин – шутник, а также два механика Немцов и Дудкин, старших прапорщика два, и с ними оружейник, лейтенант Аркадьев, да еще Зернов, старлей, электрик, обступили Алексея кругом. Стало тихо и Емелин:

– Братцы! Я, – сказал, – пошел сдавать оружие, как положено, наряда после. В оружейку прихожу, а нету пистолетчика смотрю на месте. Ну и, думаю, схожу давай-ка, время дабы не палить впустую в ожидании в сортир у штаба. Расстегнул ремень болван лишь только – кобура с него и шнырь в дырищу. Подскажите, быть как тут, что делать?

Думать стали, и нашелся первым вновь шутник, силовичок бывалый:

– Доставать, – сказал, – оружие надо, а не то под трибунал, голубчик, загремишь, к попу ходить не надо.

И Емелин побледнел, но только издеваться силовик не бросил и, сочувственно вздохнув, продолжил:

– Вот при Есе бы, когда стряслось вдруг что подобное, так сразу б к стенке. А сейчас всего лет пять каких-то в коммунизме развитОм оттянешь, отсидишь и не чешишь, Васятка.

– боже мой! – пролепетал Емелин, – не хватало мне тюряги только!.. Застрелиться в самый раз, да нечем.

И опять силовичок досужий посоветовал:

– В сортир лезть нужно, разумеется, раздевшись, ну и, дефилируя ступнями шупать дно, покуда пистолет не сыщешь. А наткнешься поддевай под хлястик кобуру, большим на ножке пальцем, да на верх тащи. Делов всего-то.

– Вы поможете? – взмолился Леша.

– Разумеется. А как с магаром?

– Пир горою закачу отменный! Всю, как есть, одну спалю получку! Вы мне, други, помогите только!

– Коли эдак, не помочь нельзя тут разумеется, – стартех Охалков согласился и с улыбкой хитрой подмигнул силовику при этом. А Емелин, содрогнувшись:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.